

На переломе — эпизод 24 из 27

После молитвы в спальне младшего возраста не было обычной возни, хохота и беготни. К одиннадцати часам все стихло. Дядя Вася в последний раз обошел все проходы спальни и ушел в дежурную. Следом за ним по коридору прокрался кто-то босой, в одной рубашке, с головой, закутанной тужуркой. Буланин догадался, что это сторож. Действительно, через пять минут сторож вернулся и, не открывая головы, протяжно свистнул. Тотчас же в том отделении, где спал второй класс, послышался звук, в значении которого Буланин не мог ошибиться: кто-то опустил висячую лампу вниз и затем быстро толкнул ее вверх, чтобы она потухла. Вслед за первой потушили и вторую лампу. В спальне стало темнее.

Буланин лежал, чутко прислушиваясь, но ничего не мог разобрать, кроме дыхания спящих соседей и частых, сильных ударов своего сердца. Минутами ему казалось, что где-то недалеко слышатся медленные крадущиеся шаги босых ног. Тогда он задерживал дыхание и напрягал слух. От волнения ему начинало представляться, что на самом деле и слева, и справа, и из-за стен крадутся эти осторожные босые ноги, а сердце еще громче, еще тревожнее стучало в его груди.

И вдруг среди этого жуткого безмолвия раздался громкий, прерывающийся голос Сысоева, в котором слились вместе и страх, и тоска, и ненависть:

Кто там? Я вижу... Я вижу тебя! Зачем ты прячешься?..

Буланин приподнялся и сел на кровати, со страхом вглядываясь в темноту.

Нижняя челюсть его, против воли, часто и сильно стучала о верхнюю.

Оставь! закричал пронзительно Сысоев. Оставь меня!.. Ос...

Крик внезапно оборвался, окончившись глухим стоном. Они подушкой его...

подушкой, мелькнуло в голове Буланина, охваченного жалостью и ужасом.

Потом послышался сдержанный шум молчаливой, ожесточенной возни, тяжелое дыхание, шлепанье босых ног и частые, как град, тупые удары.

Сколько времени это продолжалось, Буланин не мог определить: может быть минуту, может быть полчаса. Вдруг сторож опять свистнул. Десятки босых ног беспорядочно, быстро и звонко зашлепали по паркету, где-то повалили табуретку, кто-то задел за кровать, и тотчас же все опять стихло.

До слуха Буланина долетели слабые протяжные стоны... Сысоев уже не мог кричать.

Сельский был прав: на другой же день фискала отправили в лазарет, а через месяц родные вовсе взяли его из гимназии. Непонятным, поразительным казалось Буланину, почему, покидая навек гимназию, Сысоев не

воспользовался последней местью, остававшейся у него в руках, почему он ни слова никому не сказал о том, что с ним делали в ту страшную ночь: без сомнения, зачинщиков по меньшей мере сильно высекли бы. И в этом умолчании Буланину чудилось присутствие того же загадочного, таинственного, что так тянуло его к Сысоеву за вечерним чаем. Довольно сильным утеснениям с разных сторон подвергались и зубрилы-мученики.

Единица да нули

Вот и все мои баллы.

Двоек, троек очень мало,

А пятерок и шеперок

Совершенно не бывало,

Из числа угнетаемых больше всего могли бы вызывать сожаление рыбаки, или мореплаватели. Так назывались несчастные мальчишки, страдавшие весьма нередким в детском возрасте недостатком, заключавшимся лишь в неумении вовремя просыпаться ночью. Нет сомнения, что каждый из этих робких, запуганных, нервных детей, будь поменьше за ним надзора и побольше снисхождения к нему, без труда выучился бы сдерживать свои невольные отправления. Но по отношению к ним и начальство и товарищи делали все от них зависящее, чтобы рыбаки ни на минуту не забывали о своем недостатке... Прежде всего начальство распорядилось отделить рыбаков от товарищей и отвести им отдельное место, поближе к умывалке. Затем обыкновенные волосяные матрацы у рыбаков были заменены соломенными тюфяками, конечно, ввиду экономии. Тюфяки эти не обновлялись в течение целого года (и даже чуть ли не переходили из поколения в поколение), так что солома в них окончательно сгнивала, обращаясь в зловонную густую массу. Проходя мимо рыбацкой слободки, каждый воспитанник непременно зажимал крепко нос и на несколько секунд затаивал дыхание. Нервных субъектов прямо-таки тошнило от этого ужасного запаха.

Нечего и говорить о том, как травили и изводили бедных мореплавателей товарищи. Каждый проходивший вечером около их кроватей считал своим долгом бросить по адресу рыбаков несколько обидных слов, а рыбаки только молчали, глубоко сознавая свою вину перед обществом. Иногда кому-нибудь вдруг приходила в голову остроумная мысль заняться лечением рыбаков.

Почему-то существовало убеждение, что от этой болезни очень хорошо помогает, если пациента высесть ночью на пороге дверей сапожным голенищем. И вот, часов в двенадцать, целая орда хватала спящего рыбака за руки и за ноги, влекла его к дверям, распластывала поперек порога и начинала под общий хохот, свист и гиканье симпатическое лечение.

Товарищи все-таки обращали на рыбаков больше внимания, чем начальство.

Они, хотя и в дикой форме, но проявляли своеобразную заботливость об их здоровье. Начальство же и медицинский персонал глядели на этот вопрос с невозмутимым равнодушием.

Тихони и слабенькие были в гимназии такими же, как и во всех учебных заведениях. На подлиз смотрели несколько строже. Если замечали, что воспитанник чересчур часто суется к преподавателям с предложением ножичка и карандашика или лезет к ним с просьбами объяснить непонятное место, или постоянно подымает кверху руку, говоря: Позвольте мне, господин преподаватель, я знаю..., в то время когда спрошенный товарищ только хлопает в недоумении глазами, когда замечали за кем-нибудь такое поведение, его считали подлизой...

Но подлизываться слишком долго и слишком откровенно было и невыгодно и невозможно, потому что в конце концов весь класс ожесточался против подлизы. Тогда стоило ему только встать с предложением услуг или поднять кверху руку, как весь класс начинал топтать ногами и кричать: Садись!.. На место, на место... В то же время бесцеремонные руки хватались за фалды его пиджака и тянули его обратно на скамейку.